

УДК 821.161.1

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-3-29-34

МОТИВ СПАСЕНИЯ В РОМАНЕ Е. ЧИЖОВОЙ «ВРЕМЯ ЖЕНЩИН»

© *Берёзкина Елена Петровна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: beryozkina-lena@yandex.ru

В статье рассматривается традиционный для русской литературы мотив спасения на материале романа Е. Чижовой «Время женщин» (2009). Прослеживается система последовательных действий и поступков героев, направленная на спасение девочки по имени София. Первоначально спасение связано с крещением ребенка и его наречением именем божьей заступницы, а затем — воспитанием и заботой о немой девочке тремя старухами, соседками по коммунальной квартире. Воспитание было как светским, так и религиозным. Следующим этапом становится спасение от детского дома после смерти матери. И конечным спасением — чудом становится то, что героиня смогла заговорить, научилась рисовать и стала талантливой художницей, и всеми своими делами, всей жизнью стремилась к постижению высшей Божественной сущности. Мотив спасения представлен в романе как христианский, что позволяет вписать произведение в духовный контекст русской литературы.

Ключевые слова: христианский контекст; православный код; концепция спасения; мотив сна/смерти и пробуждения; идея обретения высшего смысла.

Начиная с древнерусского периода и по сегодняшний день, русская литература может быть осмыслена в контексте православной культурной традиции [2]. Так, И. Есаулов пишет, что в «Слове о полку Игореве» чудесное возвращение князя Игоря действительно «становится символом спасения христианского мира» [3, с. 38]. О том, что идея спасения «не ограничивается древнерусским периодом, а продолжается непрерывно вплоть до наших дней, выражаясь в вершинных произведениях русской классики и формируя ее основной духовный контекст», — пишет Л. Г. Дорофеева [1, с. 230].

В романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» «спасение же осуществляется при условии взаимной активности: воли человека спастись и воли Промыслительной силы» [1, с. 245]. Мотив спасения пронизывает роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», играет ключевую роль и лежит в основании образного мира, присутствует как на речевом, так и на образном уровнях произведения [7]. Следует согласиться с выводом Н. П. Сысоевой о том, что «именно идея Спасения, а не идея успеха, основополагающая для европейской литературы, предопределила пафос, строй и содержание русского эпоса и судьбы русского героя» [5].

В современной русской литературе продолжается обращение к духовным основам православия, продолжает ставиться и решаться вопрос о сохранении «внутреннего» человека, о его противостоянии агрессивному внешнему миру. К произведениям на эту тему относятся романы «Время женщин», «Лавра», «Терракотовая старуха», «Полукровка» Елены Чижовой, где христианский ин-тертекст представлен на уровне слова, цитаты, образа, а также на мотивном уровне.

Роман «Время женщин» Е. Чижовой вызвал большой интерес у читателей, особенно после завоевания ею престижной премии «Русский букер» в 2009 г. Критики также не обошли вниманием роман: так, Е. Погорелая отметила, что несмотря на фрагментарность сюжета, в романе создана особая повествовательная структура, присутствует богатый символический план [4]. Нам же показалась важной концепция произведения, утверждающая необходимость христианского спасения героини. Обнаружение в романе Е. Чижовой «Время женщин» православного кода позволяет выйти к замыслу автора, увидеть важный мотив, реализующийся, в свою очередь, через ряд мотивов, пронизывающих текст: белизны, страха, смерти, грехопадения, веры, творения. На наш взгляд, они-то и формируют внутреннее движение романа.

«Время женщин» — это рассуждение о женской судьбе, о страданиях, выпавших на долю простой женщины в эпоху революционных сломов, войн, экономических преобразований. Вечная страдалница и вечная счастливица через свое страдание, святая грешница, мученица и Богородица — все эти ипостаси вбирает в себя героиня Е. Чижовой Сюзанна/София вместе с матерью Антониной и воспитавшими ее старухами — Ариадной, Гликерией и Евдокией. Три поколения женщин — старшее, среднее и младшее, пять женщин, у каждой свой путь, и в то же время он един для всех.

В романе все начинается с мотива смерти, он проходит через произведение и создает кольцевую композицию. В первых же строках появляется цветовой эпитет «белый», самый частотный в тексте, обретающий символическое значение. Маленькая девочка идет хоронить свою маму вместе с тремя старухами, которые не были ей родными по крови, но стали родными по духу, воспитали ее, заботились о ней и спасали от «свинцовых мерзостей жизни», насколько это было в их силах. «Мое первое воспоминание: снег... Ворота, тощая белая лошадь», — вспоминает София [6, 7].

Мотив снега, холода, снежинок, мертвенной белизны неоднократно встречается в романе, усиливая представления о страхе и смерти: «белая лошадь», «Чашки тонкие, белые, прямо пить страшно», «глаза мутные, белые», «во двор выглянули — белым-бело», «валенки с галошами, беленькие», «белым-бело», «Подъезжает, глядь, а там шатер: сам белый. И вокруг белым-бело — раскинули среди снега», «Снег. Все белым-бело», «гляди, губы-то как побелели», «снег белый — сугробами», «беленькая эта», «Евдокия-то вовсе белая», «снежинки из бумаги режет», «сама белая», снег, «совсем белая», «снегом белым засыпанная, все белым-бело», «когда падает снег, я всегда вспоминаю бабушек». Белый цвет может являться показателем цвета неживого и живого предметов, например цвета лица как признака бледности, но чаще всего он связан со снегом, холодом и в природе, и на душе героини. Белый снег, как и холод, порождает страх и неопределенность, и венчает все эти человеческие мучения наступлением смерти.

Смерть уносит человеческие жизни: сначала умерла мать девочки, потом три старухи. Смерть разрушает семью, дом, выводит человека за пределы его комфортного состояния. Но одновременно смерть дает толчок к развитию, встряску, выводит из ситуации застоя, меняет привычки, однообразие жизни. Именно такая амбивалентность присутствует в реализации мотива смерти в романе.

Мотив смерти сопровождается мотивом снега — его белизны и холода, мертвенности, безжизненности, страха, мертвенного начала, переходящего в детском сознании в сказочное восприятие последующего оживания: героиня заснет/умрет, как в сказке, уколов палец спицей, а потом через много лет проснется/оживет. Таким образом, граница между волшебным миром сказки, вымыслом и жестокой реальностью размыта. Восприятие жизни и смерти в романе дается не в их физиологическом проявлении и противопоставлении, а в божественном единстве душ, для которых нет конца. Поэтому рядом со страхом, смертью, ее неизбежностью звучит другой мотив — мотив божественного предопределения: «На все божья воля» [6, с. 15].

Этот мотив в романе «Время женщин» приводит к символам, знакам, понижающим произведение, и возникают православные мотивы, образующие своеобразный путь спасения героини-девочки. Вначале это спасение от материнского греха: героиня является незаконнорожденным ребенком, которому дали нехристианское имя Сюзанна. При крещении старухи дают девочке другое имя — София, несущее в себе глубокий божественный смысл. О значимости данного имени Евдокия рассказывала девочке: «Ты, — говорит, — случись чего, дак имя свое помни. Не это — Сюзанна. Это для людей. А для Бога имя тебе — София. Она и заступница небесная. Дева белоснежная, Божья слава. Самая премудрая — мудрее и нет на свете. Бог ей шепнет, а она добрым людям пересказывает. Все передаст — до словечка. А те, кто не слушают, одно уныние в них да глупость» [6, с. 171]. Наречение именем божьей заступницы и акт крещения становятся первой ступенью спасения и защиты.

Вторым этапом оказывается спасение от общественного суда: девочка была немой до шести лет, не могла говорить, хотя все прекрасно понимала, увлекалась рисованием, когда визуальные образы заменяли ей словесные. Чтобы Софию не поместили в больницу, не отдали в интернат для глухонемых и, в целом, не загубили ее жизнь старухи-соседки по коммунальной квартире Ариадна, Гликерия и Евдокия взяли заботу о ней и воспитание на себя.

Третьим этапом становится спасение от органов опеки и интерната, когда умирает мать девочки Антонина, а старухи не могут оформить ее опеку на себя, поскольку они официально чужие по крови и не подходят по возрасту. В этом случае они прибегают к помощи мужчин, добрых помощников и более влиятельных людей. Разрабатывается целая последовательность действий: одна из старух — Ариадна придумала план, по которому умирающую Антонину необходимо было выдать замуж за одного из работников завода — Николая. Николай при этом смог заселиться в отдельную комнату, а воспитанием девочки по-прежнему бы занимались старухи, и София была бы спасена.

«— Обманывать придется... Грех на душу берем.

— А нам, — Евдокия отвечает, — выбирать не из чего. Какое чудо дадено — на том и спасибо. Почитай, соломинка протянутая. Наше дело — хвататься. Лишь бы вышло у нас. Хоть эту спасти... А грех — пусть на меня ляжет. Так и так душа погублена. Детьми моими» [6, с. 177].

Автором романа закладывается сказочное троедействие — три спасения в сюжетной линии произведения. Но каждый раз цена за спасение возрастает и требует большей затраты душевных сил и личных потерь ради осуществления задуманного. В первый раз старухи обошлись тем, что договорились со священником, чтобы покрестить девочку дома. Обряд крещения производили тай-

ком от матери. Наречение именем Софии, Божьей премудрости, вместо «ба-сурманского» имени Сюзанна было продумано и возымело благостное воздействие на дальнейшую судьбу героини.

Но принять решение о том, кто должен стать крестной из трех старух, тоже было непросто. Крестная мать в ответе перед Богом за ребенка, поэтому эту обязанность должен выполнять достойный человек. У каждой из старух накопились за жизнь свои грехи и душевные боли, которые не отпускали и препятствовали проявлению чистоты душевных помыслов. Это было первым серьезным испытанием на пути старух к спасению девочки и самих себя. София была для них искупительницей грехов человечества, их надеждой на спасение, крещением девочки героини неосознанно замаливали свои грехи, а воспитанием девочки во Христе вымаливали прощение у Бога за нескладную жизнь, «суету сует».

Во второй раз старухи взяли на себя воспитание девочки, которое было и светским (бабушка Ариадна учила французскому языку, читала сказки по старинной книжке, водила в Мариинский театр), и религиозным (бабушка Гликерия рассказывала то про святых, то про Богородицу). На прогулках они часто ходили с девочкой в церковь: «Бабушка Евдокия в церкви строгая.

— Вот, — учит, — там алтарь. Перед ним ворота царские: отворят, все насквозь видать. Батюшки в алтаре ходят, словно праведники по небу. Вечером служба начнется — паникадила зажгут. Свет тихий, благостный. Оглянешься, душа радуется: золото горит, вспыхивает — так жаром и обольется»; «С бабушкой Гликерией лучше ходить. С ней к Николаю-угоднику.

— Молись, — учит, — Софьюшка, за странствующих и путешествующих» [6, с. 27, 28].

На протяжении нескольких лет три старухи всю свою душу, нерастраченную любовь отдавали девочке, которая одновременно и их души спасала от ожесточения, грубости, фальши, своей наивностью, искренностью, нежностью, воскрешала их и подвигала к постижению божественной сущности любви.

В третий раз цена за спасение девочки оказалась непомерно высокой: болезнь и смерть матери, за которой теперь ухаживали старухи; потеря комнаты, в которой девочка жила с матерью, ради того, чтобы Николай, работник завода, женился на умирающей Антонине и по закону удочерил Софью. Трудности и лишения на этом пути, приведшие к тому, что Ариадна сдала в скупку свои серьги с бриллиантами, сохраненные ею даже во время блокады. Старухи считали, что нет такой цены и такой вещи, которая могла бы сравниться со спасением жизни дорогой для них девочки. План спасения Софии вначале кажется им самым неправдоподобным: «Чудо говоришь», «Чудо лицезреем... Сподобил Господь перед смертью», «какое чудо дадено...» [6, с. 177].

Мотив спасения воплощается и на сюжетном, и на образном и на речевом уровне, он представлен непосредственно в слове. Герои романа неоднократно говорят о спасении: «Спаси, Господи и сохрани», «дите спась...», «Спасение свыше дадено...». Концепция спасения выявляет и уровень стремления героинь к идеалу, Абсолюту, Божественной сущности, в которую надо верить. В связи с этим появляется мотив божественного рая: «Там-то у них светло. В середине Господь сидит, а по сторонам — его праведники. Жизни прошлой не помнят: по-новому наслаждаются» [6, с. 28].

Спасение Сюзанны/Софии произошло: после смерти матери она заговорила. Более того героиня смогла получить образование, закончила Мухинское училище, стала художницей, ее картины высоко ценились. Спасение на уровне земном показано через мотив любви. Девочка, оставшись в шесть лет без матери, была в семье трех старух любима, чувствовала заботу, сама научилась любить и заботиться о них. Но ее детское юродство (немота) сказало на дальнейшей судьбе художницы, самобытности ее творчества. Вначале она рисовала картины, в которых была нарушена перспектива и неясен замысел. Почти точно предсказала крах старой политической системы, ничего не зная об этом и не интересуясь политикой. Мир материальных ценностей, «здорового» смысла мало волновал героиню. Состоявшись как талантливая художница, не смогла уехать в Америку с другом, потому что не могла оставить души родных людей. Жила светлой памятью о прошлом, занималась внутренним поиском истины. «Я узнаю слова, которые меня тревожат, и надеюсь найти образы, чтобы написать эту картину. А иначе зачем я стала художником: спала и проснулась?» [6, 220].

Таким образом, мотив пробуждения становится явным знаком спасения героини на духовном уровне, постижением ею высшей Божественной сущности. Автор показывает не только путь спасения извне, со стороны, но и изнутри, через неизбежный поиск человеком самого себя и обретение смысла жизни как истины.

Литература

1. Дорофеева Л. Г. Идея спасения в «Слове о полку Игореве» и «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. — 2008. — № 8 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-spaseniya-v-slove-o-polku-igoreve-i-kapitanskoj-dochke-a-s-pushkina> (дата обращения: 12.10.2018).
2. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманит. академии. 2017. — 550 с.
3. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1995. — 288 с.
4. Погорелая Е. В поисках озвученного времени // Вопросы литературы. — 2010. — № 3. — С. 255–271.
5. Сысоева Н. П. Судьбы русского героя: идея успеха или идея спасения? // Клио. — 2007 [Электронный ресурс]. — URL: <http://naukarus.com/sudby-russkogo-geroya-ideya-uspeha-ili-ideya-spaseniya> (дата обращения: 10.10.2018).
6. Чижова Е. С. Время женщин. — М.: Изд-во АСТ, 2018. — 410 с.
7. Шараков С. Л. Идея спасения в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук. — Петрозаводск, 2006. — 176 с.

MOTIF OF SALVATION IN THE NOVEL “THE TIME OF WOMEN” BY E. CHIZHOVA

Elena P. Beryozkina

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,

Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article the motive the motive of salvation in the novel "The Time of Women" by E. Chizhova, traditional for Russian literature "The Time of Women". Traced system sys-

---

tem of sequential actions and actions of the characters of, aimed at saving a girl named Sofia. Initially, salvation is associated with the baptism of the child and her naming as God's intercessor, and then with raising and caring for a dumb girl by three old women, neighbors in a communal apartment. Education was both secular and religious. The next step is salvation from the orphanage after mother's death. And the ultimate salvation — the miracle is that the heroine was able to speak, learn to draw and became a talented artist, and with all her deeds, with her whole life, she strove to comprehend the highest Divine essence. The concept of saving the main character of the novel is presented as Christian, which allows the work to fit into the spiritual context of Russian literature.

Keywords: Christian context; Orthodox code; concept of salvation; the motive of sleep / death and awakening; the idea of gaining higher meaning.